

Эстрадный классик

Своей «вокальной мамой» Басков считает Монсеррат Кабалье

Его взлет кажется просто фантастическим. Уже в 23 года Николай Басков удостоился престижной премии «Золотой голос России», а спустя год стал заслуженным артистом. Он пел партию Ленского в Большом театре, стал учеником великой певицы Монсеррат Кабалье, с триумфом гастролирует по всему миру. Но большая слава не испортила характер молодого дарования. В жизни Николай по-прежнему скромный и непосредственный человек, приветливый и общительный со всеми.

— Николай, как вы для себя объясняете феномен собственного успеха?

— Наверное, я появился в нужное время. Люди ждали именно такого певца, как я. С таким голосом, такой внешностью. Есть точка зрения, что именно сейчас, после большого перерыва, пришло время появляться новым именам. В театре, на эстраде, в литературе. Ведь с перестроечных времен наша культура только использовала то, что было нажито в Советском Союзе.

— Согласитесь, приятно, когда тебя любят зрители.

— Не буду лукавить: горы цветов в зале «Россия» — это действительно приятно. Есть такие фанаты, которые ходят на все мои выступления. Я им благодарен, ведь они своим вниманием невольно заставляют меня работать над собой, не останавливаться на достигнутом.

— Сейчас на вашем счету сотни выступлений перед публикой. А самое первое помните?

— Самое первое закончилось провалом. Это случилось во втором классе. Мне поручили прочитать стихотворение на школьном утреннике. Когда открылся занавес, я так испугался, что заплакал и убежал за кулисы.

— Когда же состоялся настоящий дебют?

— Уже в двенадцать лет я пел в небольшой роли в опере Моцарта «Волшебная флейта». Это была настоящая профессиональная работа. Мне оформили трудовую книжку, потому что с Музыкальным театром юного зрителя я отправился на гастроли за рубеж. Мы побывали в США, Израиле, Швейцарии, Франции.

— И что же, вы почти с пеленок определили себя в оперные певцы?

— Нет, конечно. Это произошло много позже. Но артистом я хотел стать с самого начала. Я, правда, не представлял точно, чем буду заниматься — сниматься в кино, играть в театре или петь.

— Как родители отнеслись к вашему плану?

— Мама с пяти лет начала заниматься со мной музыкой. Когда мы жили в Германии, она на все накопленные деньги купила мне дорогое немецкое фортепиано. Все тогда везли из-за границы бытовую технику, одежду, телевизоры, а мы — музыкальный инструмент.

— Каким образом вы оказались в Германии?

— Ведь у меня отец военный. Он окончил академию имени Фрунзе, и его отправили в Германию. Мы, разумеется, поехали с ним. Потом были Подмосковье, Кызыл, Новосибирск. Папа дослужился до полковника, замкомандира дивизии.

— А чем занималась ваша мама?

— Преподавала математику в школе. Когда мы жили в Германии, она работала диктором на русском телевидении. Когда же я стал делать музыкальную карьеру, мама оставила работу и помогала мне, чем могла.

— Правда, что ваш отец пожертвовал генеральскими погонами ради вашей учебы?

— В тридцать восемь лет он окончил Академию Генерального штаба. Ему «светила» генеральская должность, но для этого нужно было уезжать из Москвы. Однако папа остался ради продолжения моего образования. Конечно, теоретически он мог поехать один, но в нашей семье такое было невозможно. Чтобы я мог учиться у хороших педагогов, родители продали все — квартиру, дом в деревне, дачу.

— Ваш дед тоже был военным?

— Да, мамин отец был полковником. Окончил военно-политическую академию, прошел всю войну. Его ордена и медали бережно хранятся в нашей семье.

— Какое музыкальное образование вы получили?

— В пять лет у меня неожиданно прорезался высокий звонкий голос — колоратурное сопрано. Вкус к классической музыке мне привили родители, а они, в свою очередь, получили его от бабушки и дедушки. С восьми лет я начал заниматься в музыкальной школе. Когда мы жили в Новосибирске, учился в музыкальной школе при консерватории. Кстати, именно на сцене Новосибирского оперного театра дебютировал в двадцать один год в роли Ленского в «Евгении Онегине».

— А высшее образование где получили?

— Вначале я поступил в ГИТИС на отделение музыкального театра, но когда на очередном экзамене мне предложили надеть на голову тазик и изобразить черепаху, я понял, что мне это не подходит. В ГИТИСе упор делают на актерское мастерство. Поэтому я ушел и серьезно занялся своим голосом. Пять лет отучился в Гнесинке, окончил с красным дипломом. Потом была аспирантура Московской консерватории.

— Вы наверняка помните, кому дали свой первый автограф?

— Конечно, помню. Первые автографы я давал самому себе — рисовал на последней странице школьной тетради. А потом эту страницу вырывал. Так что к концу урока в тетрадке оставалось от силы пара листов.

— Сегодня, наверное, не знаете, куда спрятаться от поклонников?

— Да нет, у меня с ними прекрасные отношения. Общаюсь по Интернету, когда могу, отвечаю на письма. Тех, которые ездят за мной на гастроли, знаю в лицо.

— Но у популярности есть не только приятные стороны. Порой поведение фанатов может стать невыносимым.

— Мне приятно, когда захожу в рес-

торан, а посетители узнают, улыбаются. При покупке делают какие-то скидки, поклонники передают цветы и открытки. Но поведение некоторых фанатов выходит за рамки приличия. В Большом театре я выбегаю на сцену со словами: «Я люблю вас, Ольга!» А девушка с верхнего яруса истошно кричит: «Коля, я тебя тоже люблю!»

— Как вы стали солистом Нижегородского театра оперы и балета?

— Я ушел из Большого, когда там разгорелся скандал вокруг Анастасии Волоцковой. Но с театром связи совсем не порвал: буду выступать там как приглашенный солист. А в Нижнем Новгороде появляюсь тоже достаточно редко, хотя числюсь там солистом с окладом 2300 рублей. Правда, у меня в запасе гастрольные поездки и более дорогостоящие контракты с двумя испанскими театрами.

— Не секрет, что теноры обычно отличаются тучностью.

— О, это трагедия моей жизни! Я по природе своей склонен к полноте. Кроме того, в день репетиции я должен плотно позавтракать, чтобы быть «в голосе». За несколько часов до выступления нужно снова плотно поесть. Однажды я увидел себя по телевизору и чуть не упал в обморок: мне показалось, что я не помещаюсь в экран. Срочно занялся похудением. Диета, тренажерный зал, моржевание... В результате удалось скинуть пятнадцать килограммов. Теперь вместо ужина — минеральная вода и зеленый чай. Бывают дни, когда ем только шесть печеных яблок. От сладкого было сложнее отвыкнуть, особенно от мороженого, которое я обожаю.

— Неужели ничем не радуете душу?

— Обедаться я себе позволяю лишь раз в месяц. Очень люблю узбекскую кухню. Плов для меня — все! Раз в месяц специально ради этого еду в узбекский ресторан.

— У вас самого таких ситуаций, конечно, не было?

— Представьте себе, были. Это было время, когда мои родители попали в аферу, связанную с компаниями «пирамидами». Тогда мы несколько месяцев сидели на одной гречневой каше. К тому же военным тогда задерживали зарплату.

— Что вы дарите жене?

— Все — от цветов до драгоценностей. Я не люблю подарки по поводу, делаю это обычно стихийно — могу купить ювелирное украшение, могу безделушку. С розами, которые я подарил ей на прошлый день рождения, произошла смешная история. У этих роз оказались очень большие шипы, и прежде чем дарить, я целый вечер отрывал шипы у цветков — а их было целых сто штук! Мои руки были так исколоты, что, будь я пианистом, не смог бы выступать целый месяц.

— С бытом у вас всегда проблемы...

— Я, в принципе, все умею, но по дому ничего не делаю, за редким исключением. На это у меня просто нет времени. В этом плане я очень благодарен своей теще Светлане Григорьевне. Когда мы жили у родителей Светы, она нас кормила и вела хозяйство. Даже в выходные, если мне нужно было ехать на репетицию, она вставала раньше всех, гладила мне рубашку, готовила костюм, готовила завтрак.

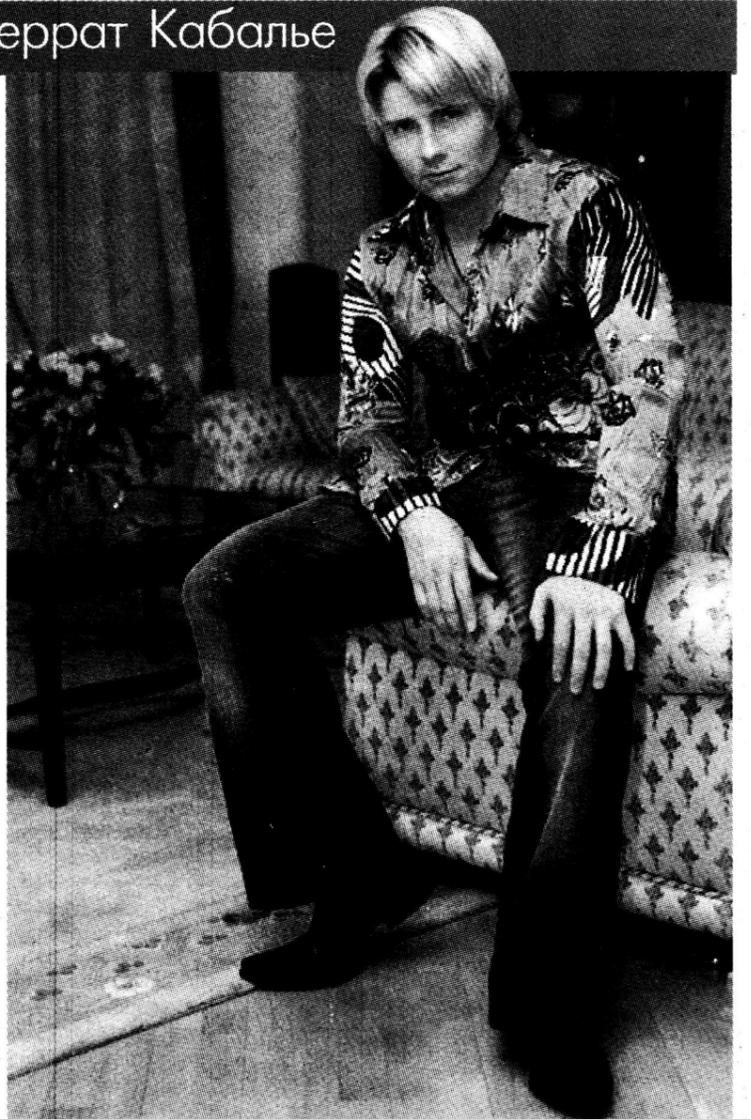
— С женой никогда не ссоритесь?

— У меня есть отличный рецепт крепкого семейного союза: если в течение дня произошла ссора — никогда не ложиться спать не помирившись.

— У вас есть недостатки?

— Пожалуй, нет. Не пью, не курю, от жены не гуляю. По характеру я сто-

процентный оптимист. К недостаткам

— По поводу вашей женитьбы ходили слухи, будто это брак по расчету.

— Светлана — дочь моего продюсера Бориса Исааковича Шпигеля, но это не брак по расчету. У нас со Светой — настоящая большая любовь. Мы познакомились, когда ей было всего семнадцать. До свадьбы встречались полтора года, только потом поставили в известность родителей.

— Чем занимается Светлана?

— Она окончила юрфак МГУ и некоторое время работала в адвокатской конторе. Но потом мы решили, что Свете лучше работать со мной. Мы вместе ездим за границу. Я говорю по-итальянски, но Светлана английский знает лучше, потому что жила и училась в Лондоне. Она выполняет обязанности переводчика и, кроме того, как юрист проверяет все мои контракты.

— Что вы дарите жене?

— Все — от цветов до драгоценностей. Я не люблю подарки по поводу, делаю это обычно стихийно — могу купить ювелирное украшение, могу безделушку. С розами, которые я подарил ей на прошлый день рождения, произошла смешная история. У этих роз оказались очень большие шипы, и прежде чем дарить, я целый вечер отрывал шипы у цветков — а их было целых сто штук! Мои руки были так исколоты, что, будь я пианистом, не смог бы выступать целый месяц.

— С бытом у вас всегда проблемы...

— Я, в принципе, все умею, но по дому ничего не делаю, за редким исключением. На это у меня просто нет времени. В этом плане я очень благодарен своей теще Светлане Григорьевне. Когда мы жили у родителей Светы, она нас кормила и вела хозяйство. Даже в выходные, если мне нужно было ехать на репетицию, она вставала раньше всех, гладила мне рубашку, готовила костюм, готовила завтрак.

— С женой никогда не ссоритесь?

— У меня есть отличный рецепт крепкого семейного союза: если в течение дня произошла ссора — никогда не ложиться спать не помирившись.

— У вас есть недостатки?

— Пожалуй, нет. Не пью, не курю, от жены не гуляю. По характеру я сто-

можно, пожалуй, отнести только привычку поспать утром подольше. С утра я чернее тучи, ко мне лучше не подходить — никого не люблю.

— Когда впервые сели за руль?

— Мне было шестнадцать, когда отец учил меня ездить на нашей «семерке». В восемнадцать купил первую свою машину, старенькую «ауди». Сейчас у меня два лимузина — девятиметровый «кадиллак» и модель покороче — «линкольн». Езжу я теперь только с водителем. Я люблю в машине петь, и однажды из-за этого не справился с управлением и взрезался в столб. К счастью, пострадала только моя машина.

— Вы азартный человек?

— Да, очень. Поэтому казино обхожу стороной. В судьбу не верю, хотя у меня есть счастливые числа. Я родился пятнадцатого октября. Однажды, поставив на пятнадцать, выиграл в рулетку несколько тысяч долларов. Деньги пожаловал храму.

— С верой у вас какие отношения?

— Перед каждым концертом хожу в церковь. Однажды за три дня до выступления у меня напрочь пропал голос. Я молился и просил Бога помочь мне. Но в день выступления проснулся с высокой температурой. Однако все же потащился на концерт. Вышел на сцену и к собственному удивлению — запел!

— Как вы обычно отдыхаете?

— Очень много сплю. Или лежу на диване и смотрю телевизор. В январе — это мертвый сезон для всех артистов — у меня всегда отпуск. Мы с женой улетаем туда, где хорошая погода. Есть любимый остров Маврикий. Там малолюдно, поют птицы, растут пальмы, бунгало на берегу Индийского океана... Отключаю мобильный телефон, не беру с собой ноты... Еще между гастролями и турами бывают окна в несколько дней.

— Загородный дом у вас есть?

— Пока нет. Я не люблю деревню — на даче могу только спать. Периодически бываю в подмосковном доме у родителей жены. Приезжаю туда, общаюсь с любимыми родственниками, потом ложусь в кровать в надежде наконец-то выспаться.

Расспрашивал
Геннадий ФРОЛОВ.